

С этими словами Юй Аньянь выпустил воротник Ли Ифэй и с силой оттолкнул его назад. Холодно вздернув подбородок, он вытащил из стопки на столе бумажную салфетку и неторопливо вытер пальцы, а затем и лезвия ножниц.

Ли Ифэй, пошатнувшись, отлетел на несколько шагов назад и с болезненным стоном ударился поясницей о край стола. Судорожно потирая ушибленную руку, он со страхом уставился на Юй Аньяня, сжимавшего ножницы, а затем умоляюще оглянулся на оператора.

Но тот лишь испуганно сжался и поспешно отвел взгляд.

На съемочной площадке Юй Аньянь всегда обладал непререкаемым авторитетом и держал все под жестким контролем. Но если в обычной жизни это казалось привычным, то теперь, посреди смертельной опасности, Ли Ифэй ощутил его властную натуру особенно остро.

Секунду назад он не сомневался: режиссер готов без колебаний вонзить в него эти ножницы.

Ли Ифэй попятился. Затаив в глубине души еще больше злобы и панического страха, он выдавил сквозь зубы:

— Ладно... Я пойду на третий этаж.

Юй Аньянь действовал стремительно. Жители деревни принесли и бросили на пол их рюкзаки. Подняв вещи Нань Цзина и свои собственные, режиссер заставил остальных двоих наспех собрать самое необходимое, после чего скомандовал подниматься.

Лестница на третий этаж находилась прямо рядом с комнатой Нань Цзина. Это был узкий, засыпанный толстым слоем пыли деревянный пролет, где едва мог протиснуться один человек. Из-за сырости старые ступени давно подгнили и местами треснули. Конструкция выглядела до того ненадежной, что угрожающе прогибалась и шаталась под весом взрослого мужчины.

В самом верху, в полумраке, угадывались очертания тесной двери, с которой ключьями облезала красная краска. На потемневшем дереве белел клочок бумаги с начертанным от руки предупреждением: «□□□□» (Посторонним вход воспрещен).

В доме стоял тяжелый, затхлый дух гниения — горный климат с частыми дождями превратил старое дерево в труху. Огоньки свечей у дверей второго этажа трепетали и угасали, отчего полумрак сгущался, а воздух стремительно остывал.

Стоял июнь, но здесь, среди гнилых стен, веяло могильным холодом, который становился тем ощутимее, чем ближе они подходили к верхнему этажу.

Они начали подъем один за другим. Возглавлял шествие Юй Аньянь, следом, отставая на ступеньку, шел оператор, а замыкал цепочку едва переставляющий ноги Ли Ифэй.

Ли Ифэй дрожал мелкой дрожью. Расстояние до таинственной двери сокращалось, и его ужас рос с каждым шагом.

— Эта надпись «□□□□»... — зашептал он прерывистым, срывающимся голосом. — Может, деревенские повесили ее не просто так? Нам ведь нельзя туда! И внизу еще двое дежурят...

Оператор невольно замер и сиплым от волнения голосом позвал:

— Режиссер Юй... Может, повернем назад?

Юй Аньянь даже не обернулся. Его голос прозвучал как удар хлыста:

— Я сказал: вверх.

Спутники переглянулись, но, не посмев послушаться, с обреченным видом продолжили подъем. Старые ступени ходили ходуном, перила скрипели и жалобно трещали при каждом переносе веса. Казалось, шагни на эту ветхую конструкцию еще кто-то один — и она с грохотом обрушится вниз.

В ушах Ли Ифэя зазвучал вчерашний ночной скрежет с экрана монитора: точно такой же тоскливый, вкрадчивый скрип под ногами жуткой твари в расшитых туфлях. Нервы у него окончательно сдали. Наплевав на приказы Юй Аньяня, он судорожно развернулся, намереваясь сбежать обратно на второй этаж.

Но едва он сделал шаг назад, как на деревянной галерее второго этажа, прямо под тусклым светом угасающей свечи, сооткнулся силуэт женщины в белом. Она медленно, с жутким деревянным хрустом, вскинула голову. Длинные, похожие на спутанные водоросли волосы упали на плечи, обнажая лицо. На месте глаз зияли две сочащиеся кровью глазницы, уставившиеся прямо на застывшую на лестнице троицу.

— Призрак! Демон! — истошно завопил Ли Ифэй.

Его ноги подкосились, он рухнул на ступени и, обезумев от ужаса, на карачках рванул обратно вверх.

Вскрик Ли Ифэя заставил Юй Аньяня мгновенно обернуться. Едва заметив поднимающую голову тварь в белом, он в три широких шага преодолел оставшийся пролет, навалился на узкую дверь и распахнул ее настежь. Спутники вихрем влетели следом, и тяжелая деревянная створка с грохотом захлопнулась за их спинами.

Они очутились в кромешной тьме. В нос тут же ударил удушливый, едкий запах олифы, свежей краски и вековой пыли.

Юй Аньянь брезгливо поморщился. Вонь была невыносимой — словно прогнившие насквозь стены долго и наспех пытались скрыть под толстым слоем лака.

Щелкнула зажигалка, выхватив из темноты дрожащий язычок пламени. Вглядевшись в открывшуюся картину, Юй Аньянь почувствовал, как сердце пропустило удар. Посреди комнаты высился алтарный стол с причудливым идолом, а все остальное пространство — от стены до стены — занимали гробы. Разных размеров, форм и расцветок, они теснились здесь в немыслимом количестве.

Все крышки были намертво заколочены. Большинство гробов представляли собой простые сосновые ящики, густо покрытые свежей олифой. В слабом свете зажигалки было видно, как на их полированных боках маслянисто блестит лак — их покрасили совсем недавно.

Юй Аньянь замер. Он вытянул руку с зажигалкой чуть вперед, вглядываясь в густые тени, и его зрачки мгновенно сузились от потрясения. Там, за одним из гробов, виднелась знакомая фигура. Это был Нань Цзин.

Юноша был облачен в алое подвенечное платье. Насыщенный, похожий на свежую кровь цвет одежды делал его кожу пугающе, почти прозрачно белой. Лицо Нань Цзина полностью скрывало плотное шелковое покрывало. Но по-настоящему кровь стыла в жилах от другого: из глубокой темноты тянулась пара иссохших, гниющих черных рук, намертво стиснувших его локти.

Мерзкая, соткавшаяся из тлена и праха тень удерживала юношу, медленно приближая свое уродливое лицо к его красному свадебному убору, словно пытаясь осквернить его.

Заметив в слабом свете очертания жуткой твари, Ли Ифэй и оператор в ужасе отшатнулись назад. Оператор рухнул на колени, закрыл голову руками и принялся испуганно бормотать под нос, словно безумный:

— Меня здесь нет, оно меня не видит, оно меня не видит...

Ли Ифэй распластался у самого порога. Слизь, слезы и слюни размазались по его лицу, превращая его в жалкое зрелище. Он метался у двери: то тянулся к ручке, желая сбежать, то в ужасе отдергивал пальцы, вспоминая о караулившей снаружи безглазой твари. Наконец, поддавшись панике, он изо всех сил навалился на засов, но крепкие доски, которые секунду назад легко поддались изнутри, теперь сидели намертво, словно влитые в косяк.

Юй Аньянь даже не взглянул на перепуганных спутников. Его взгляд был прикован к гнилоственному порождению тьмы. Держа в левой руке горящую зажигалку, правой он выхватил из кармана плаща тяжелые портновские ножницы и с ледяной решимостью двинулся наперерез чудовищу.

Услышав шаги, Нань Цзин беспокойно задышал и, вскинув голову, негромко спросил:

— Кто здесь?

Перед глазами расстилалась лишь алая пелена. Чертово шелковое покрывало точно прилипло к лицу — сколько бы он ни пытался стряхнуть его, ничего не выходило. Руки сковывал могильный холод, и ледяная хватка невидимого существа не ослабевала ни на миг.

Вдруг оковы спали. Ледяные пальцы, сжимавшие его локти, резко разжались.

Юй Аньянь не упустил этот миг. Как только омерзительный клубок гнилой плоти начал разворачиваться в его сторону, режиссер рванулся вперед и с силой вонзил раскрытые лезвия ножниц в самую гущу бесформенного тела. Металл с противным хлопаньем погрузился в вязкую, скользкую субстанцию.

Выдернув оружие, Юй Аньянь мгновенно упал на одно колено, пропуская над собой замах когтистой, черной лапы. Не теряя ни секунды, он выбросил вперед левую руку с зажигалкой. Едва живое пламя коснулось сочащегося гноем тела, как тварь издала истошный, утробный визг. Запахло паленой плотью, черная субстанция забилась в конвульсиях и с шипением растворилась в воздухе.

Тяжело дыша, Юй Аньянь подался вперед и резким движением сорвал с лица Нань Цзина красный шелк.

Шитое серебром покрывало взмыло вверх, на миг блеснув драгоценной нитью в колеблющемся свете пламени, и бесшумно опало на пол.

В полумраке перед ним предстал Нань Цзин. Черные пряди волос слегка растрепались, когда покрывало слетело. На фоне этого зловещего, кроваво-красного одеяния его кожа казалась невероятно бледной, чистой и прохладной, словно изысканный белый фарфор, омытый ледяной водой. В светлых, полупрозрачных глазах отражался и метался крошечный язычок пламени.

Темные ресницы дрогнули, алые губы приоткрылись в немом удивлении, и на мгновение показался влажный кончик розового языка.

В груди Юй Аньяня что-то дрогнуло... сердце испуганно и сладко заколотилось.

Они находились так близко друг к другу — едва ли на расстоянии ладони, — что казалось, еще мгновение, и они соприкоснутся лбами. В колеблющихся отблесках зажигалки Нань Цзин вглядывался в лицо режиссера, и на его обычно бесстрастном, бледном лице отразилось искреннее замешательство.

— Юй Аньянь?.. — тихо выдохнул он.

Юй Аньянь прищурился, его отросшие черные пряди скользнули по шее. В темных глазах

вспыхнул властный, собственнический огонек. Тонкие губы изогнулись в легкой усмешке:

— Нань Цзин, мне кажется, сейчас самое время сказать: «Спасибо, режиссер Юй».

С этими словами он опустил взгляд и взмахнул ножницами. Острые лезвия с тихим щелчком перерезали стягивавшие запястья юноши красные шелковые ленты. Кожа Нань Цзина на контрасте с алыми путами казалась ослепительной — нежнее и белее, чем у самых холеных столичных актрис. Режиссер невольно засмотрелся на эту безупречную белизну.

«Откуда в нем эта хрупкая бледность?..»

Ножницы на мгновение замерли. Справившись с секундным замешательством, Юй Аньянь быстро нагнулся и перерезал ленты на его лодыжках.

Нань Цзин удивленно моргнул, потер затекшие запястья и, серьезно посмотрев на спасителя, тихо произнес:

— Спасибо, режиссер Юй.

Его голос утратил привычную ледяную отстраненность, прозвучав мягко и немного хрипло.

От этой вкрадчивой хрипоты у Юй Аньяня сладостно потянуло под ложечкой. Он подумал, что с таким голосом Нань Цзину стоило бы самому озвучивать свои роли в кино — этот тембр завораживал и манил. Жаль только, услышать его удавалось нечасто.

Отгнав лишние мысли, Юй Аньянь вложил дешевую пластиковую зажигалку в ладонь юноши и ровным тоном произнес:

— Держи. Эти твари выбрали тебя в качестве подношения. Та склизкая тень охотилась именно за тобой, а огонь, похоже, заставляет их отступать.

Упоминание мерзкой твари заставило Нань Цзина нахмуриться. Он без лишних споров принял зажигалку и согласно кивнул.

Юй Аньянь протянул ему черный рюкзак. Нань Цзин попытался накинуть его на плечи, но широкие рукава свадебного одеяния сильно мешали. Пришлось высоко закатать шелк, чтобы просунуть руки в лямки. Узкий наряд натянулся, на мгновение обнажив полоску безупречно белой, нежной кожи на талии.

Случайно скользнув взглядом по его пояснице, Юй Аньянь почувствовал, как у него бешено запульсировала жилка на виске. Он поспешно отвернулся, заставляя себя сосредоточиться на выстроившихся рядами гробах. Разум мгновенно прояснился, вновь натянувшись как струна.

Нань Цзин поднялся и огляделся. Все пространство вокруг было заставлено гробами, и лишь в самом центре сиротливо темнел единственный алтарный стол, с которого клочьями слезала багровая краска.

На потемневшей столешнице стояла курильница, окруженная плошками с лампадным маслом. По бокам от нее тускло горели две красные восковые свечи. Перед самой курильницей ржавыми гвоздями был приколот обрывок пожелтевшей бумаги.

Бросив взгляд на забившихся в угол оператора и Ли Ифэя, которые уже ни на что не годились, Юй Аньянь тихо предложил:

— Давай проверим, что там за обрывок?

Нань Цзин молча кивнул. Они быстро скользнули мимо ровных рядов гробов и через несколько секунд уже стояли перед алтарем.

Прямо за курильницей возвышался уродливый деревянный идол высотой в половину человеческого роста. Скульптура была выполнена грубо и топорно, мало напоминая милосердного Будду: раскосые глаза были грубо выкрашены багряной краской, а пятипалая ладонь застыла в зловещем хватательном жесте, словно стремясь вцепиться в горло любому, кто подойдет близко.

Но сильнее всего отталкивало выражение лица божества — вместо умиротворения и сострадания в нем сквозила затаенная, хищная злоба. Ожерелье на шее статуи, которое по канону должно состоять из четок, из-за небрежной резьбы превратилось в скопище уродливых наростов, напоминавших гнойные волдыри.

Юй Аньянь брезгливо нахмурился:

— Что это за чудище?

При всей своей эрудиции он не мог вспомнить ни одного буддийского или даосского божества с подобным обликом.

Нань Цзин, разбиравшийся в мистических учениях куда лучше, тоже озадаченно покачал головой и тихо отозвался:

— Не знаю. Никогда такого не видел.

С тихим щелчком перегревшаяся зажигалка погасла.

Оба замерли на месте.

В то же мгновение пламя двух алтарных свечей дрогнуло и разом погасло, погрузив комнату в непроглядный мрак. Пальцы Нань Цзина судорожно сжались вокруг холодного пластика зажигалки. Он не сводил глаз с алтаря. Когда зрение немного приспособилось к темноте, он смог различить смутные очертания предметов. До стола оставалось всего пять шагов, но делать их вслепую было слишком опасно.

Вдруг деревянный идол на алтаре едва заметно качнулся. Его нарисованные красной охрой глаза словно ожили, тускло блеснув и уставившись прямо на незваных гостей. Следом гнойные наросты на шее изваяния начали мерзко, судорожно шевелиться.

Стол ходил ходуном. Забившийся в угол у двери Ли Ифэй истошно заверещал.

— Заткнись! — ледяным тоном оборвал его Нань Цзин.

Он резко чиркнул колесиком зажигалки и бросился вперед, стремясь вернуть пламя алтарным свечам.

Едва вспыхнул огонек, Юй Аньянь вскинул взгляд на алтарь. Из шевелящихся наростов на шее идола лезла костлявая, лишенная кожи человеческая рука. Обнаженные багровые мышцы и сухожилия кишели могильными червями. В ту же секунду, когда свет озарил алтарь, конечность судорожно дернулась, словно от сильного ожога, и скрылась в складках деревянного одеяния.

Но стоило гнилой лапе отступить, как деревянная кисть самого идола, застывшая в хватательном жесте, с сухим треском отломилась от запястья и полетела прямо в голову Нань Цзину, который как раз успел зажечь первую свечу.

— Нань Цзин, берегись!

Юй Аньянь мертвой хваткой вцепился в плечи юноши и резко дернул на себя, увлекая его за собой на пол.

Раздался оглушительный грохот. Тяжелая деревянная лапа рухнула на алтарь, разнеся в щепки один из его углов, и с сухим стуком покатила по доскам.

К счастью, пламя уцелевшей свечи выдержало удар. Ее неровный багровый свет разогнал крошечную тьму, и твари, пытавшиеся выбраться из деревянного чрева идола, с тихим шипением скрылись обратно.

Нань Цзин лежал на груди Юй Аньяня, судорожно и часто хватая ртом воздух. Он поднял глаза на режиссера. Тот смотрел на него сверху вниз, и в глубине его зрачков еще металась искра пережитого страха, а крошечная алая родинка у внешнего уголка глаза казалась застывшей каплей крови в неверном свете свечи.

Все это до странности напоминало тот день, когда на съемочной площадке рухнул софит. Только теперь они поменялись ролями.

Лицо Юй Аньяня было мертвенно-бледным. Лишь темные, глубокие глаза да резко очерченные губы выделялись яркими пятнами на его восковой коже.

Нань Цзин почувствовал на своей талии тепло чужой ладони, державшей его крепко и надежно. Он попытался приподняться, отчего алый шелк просторного свадебного халата мягко зашуршал и соскользнул с плеча. Пальцы режиссера дрогнули, но хватка не ослабла. Нань Цзин, не уловив двусмысленности момента, спокойно попросил:

— Режиссер Юй, вы не могли бы меня отпустить?

<http://bllate.org/book/19041/1919310>